

~~1212~~

1227

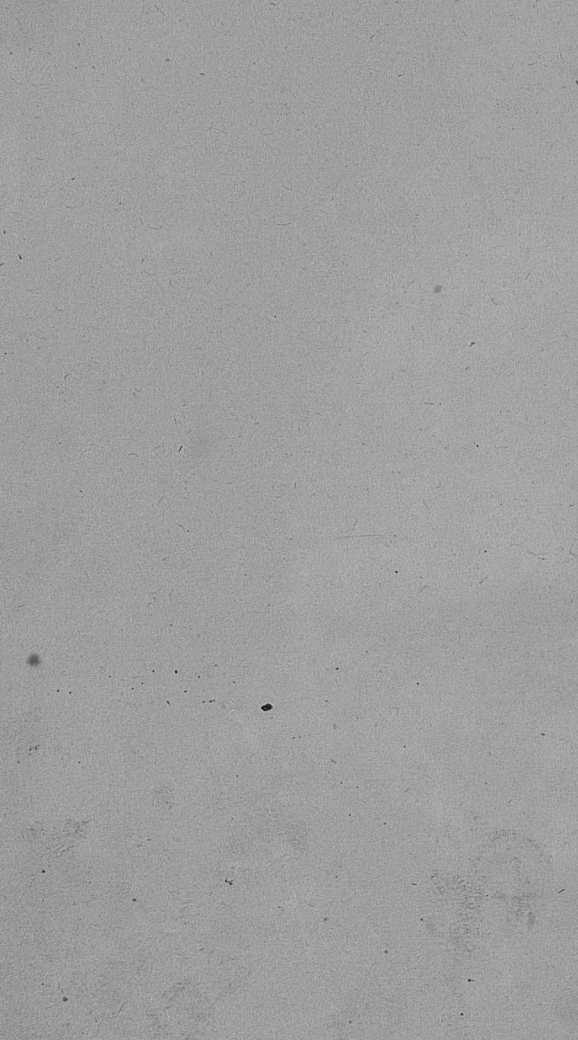
9

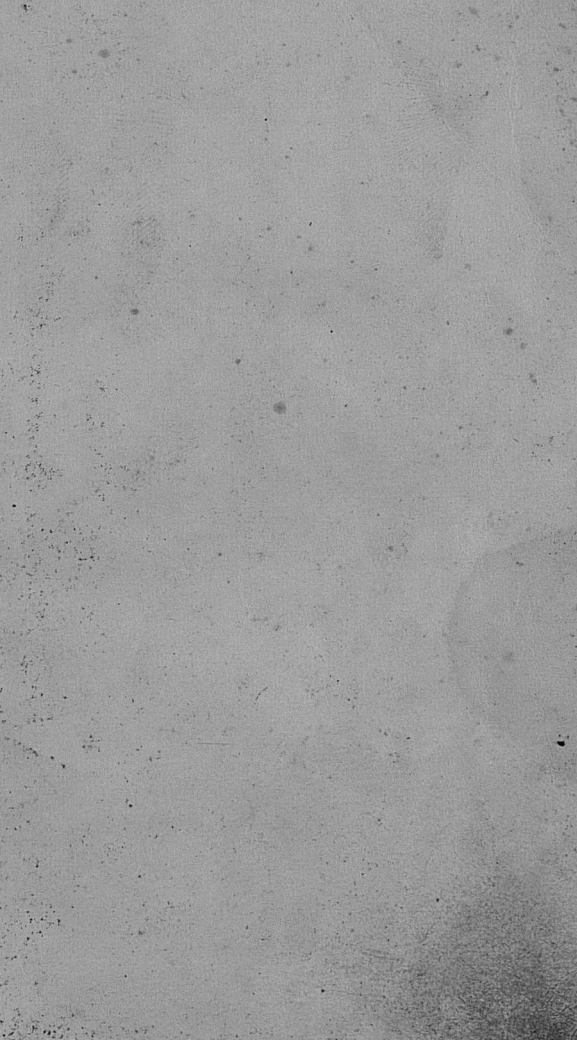
out

12⁴

46

defect

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Сочиненіе Петра Ершова.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

СЪ 7-Ю КАРТИНКАМИ, РИСОВАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ Р. К. ЖУКОВСКИМЪ И
ГРАВИРОВАННЫМИ Л. СЪРАКОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается въ книжномъ магазинѣ П. Крашенинникова.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ, 22-го сентября 1855 г.

Ценсоръ *Н. Елагинъ*.

ЧАСТЬ I.

«Начинается сказка сказываться.»

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ, — на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили въ градъ столицу:
Знать столица та была

Не далече отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали,
И съ набитою сумой
Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать —
Какъ бы вора соглядать;
Наконецъ себѣ смекнули,
Чтобъ стоять на караулѣ,
Хлѣбъ ночами поберечь,
Злаго вора подстеречь.

Вотъ, какъ стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ собираться,

Вынулъ вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страховъ нашъ мужикъ
Закопался подъ сѣнникъ.
Ночь проходить, день приходитъ;
Съ сѣнника дозорный сходить,
И, обливъ себя водой,
Сталъ стучаться подъ избой:
«Эй, вы, сонныя тетери!
«Отпирайте брату двери.
«Подъ дождемъ я весь промокъ
«Съ головы до самыхъ ногъ.»
Братья двери отворили
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его —
Не видалъ ли онъ чего?
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И, прокашлявшись, сказалъ:

«Всю я ноченьку не спалъ;
«На мое-жъ при томъ несчастье
«Было страшное ненастье:
«Дождь вотъ такъ ливмя и лилъ,
«Рубашенку всю смочилъ.
«Ужъ куда какъ было скучно!...
«Впрочемъ все благополучно.»
Похвалилъ его отецъ:
«Ты, Данило, молодецъ!
«Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,
«Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
«То есть, будучи при всемъ,
«Не ударилъ въ грязь лицомъ.»

Стало съизнова смеркаться;
Средній братъ пошелъ собирать,
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малаго напала,
Зубы начали плясать;

Онъ ударился бѣжать, —
И всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки подъ заборомъ.
Жутко было молодцу!
Но вотъ утро. Онъ къ крыльцу.
«Эй, вы, сони! что вы спите!
«Брату двери отоприте;
«Ночью страшный былъ морозъ,
«До животиковъ промерзъ.»
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его —
Не видалъ ли онъ чего?
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И сквозь зубы отвѣчалъ:
«Всю я ноченьку не спалъ,
«Да къ моей судьбѣ несчастной,
«Ночью холодъ былъ ужасный,
«До сердцовъ меня пробралъ;
«Всю я ночь проскакалъ;

«Слишкомъ было несподручно....»

«Впрочемъ, все благополучно.»

И ему сказалъ отецъ:

«Ты, Гаврило, молодецъ!»

Стало въ третій разъ смеркаться,

Надо младшему собираться;

Онъ и усомъ не ведетъ,

На печи въ углу поетъ

Изо всей дурацкой мочи:

«Распрекрасныя вы очи!»

Братья ну ему пенять,

Стали въ поле погонять,

Но сколь долго не кричали,

Только голосъ потеряли:

Онъ ни съ мѣста. Наконецъ

Подошелъ къ нему отецъ,

Говорить ему: «Послушай,

«Побѣгай въ дозоръ, Ванюша;

«Я куплю тебѣ лубковъ,

«Дамъ гороху и бобовъ.»

Тутъ Иванъ съ печи слѣзаетъ,
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
Карауль держать идетъ.

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ;
Поле все Иванъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ:
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.
Вдругъ о полночь конь заржалъ....
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ подъ рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива въ землю, золотая,
Въ мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! такъ вотъ какой
«Нашъ воришко!... Но, постой,

«Я шутить вѣдь не умѣю,
«Разомъ сяду те на шею.
«Вишь, какая саранча!»
И минуто улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ
И садится на хребетъ —
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Очью бѣшено сверкая,
Змѣемъ голову свила,
И пустилась какъ стрѣла.
Вьется кругомъ надъ полями,
Виснетъ пластью надо рвами,
Мчится скокомъ по горамъ,
Ходить дыбомъ по лѣсамъ,
Хочетъ силой, аль обманомъ,
Лишь бы справиться съ Иваномъ;
Но Иванъ и самъ не простъ, —
Крѣпко держится за хвостъ.

Наконецъ она устала.

«Ну, Иванъ (ему сказала),

«Коль умѣлъ ты усидѣть,

«Такъ тебѣ мной и владѣть.

«Дай мнѣ мѣсто для покою,

«Да ухаживай за мною,

«Сколько смыслишь. Да смотри,

«По три утренни зари

«Выпущай меня на волю,

«Погулять по чисту полю.

«По исходѣ же трехъ дней,

«Двухъ рожу тебѣ коней, —

«Да такихъ, какихъ понынѣ

«Не бывало и въ поминѣ;

«Да еще рожу конька,

«Ростомъ только въ три вершка,

«На спинѣ съ двумя горбами,

«Да съ аршинными ушами.

«Двухъ коней, коль хошь, продай,

«Но конька не отдавай

«Ни за поясъ, ни за шапку,

«Ни за черную, слышь, бабку.
«На землѣ и подъ землей
«Онъ товарищъ будетъ твой;
«Онъ зимой тебя согрѣетъ,
«Лѣтомъ холодомъ обвѣетъ;
«Въ голодъ хлѣбомъ угостить,
«Въ жажду медомъ напоить.
«Я же снова выйду въ поле
«Силы пробовать на волѣ.»

Ладно, думаетъ Иванъ,
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,
Дверь рогожей закрываетъ,
И лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Напѣвая громко пѣсню:
«Ходилъ молодецъ на прѣсню.»

Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,
Вотъ хватается за кольцо,

Что есть силы въ дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричить на весь базаръ,
Словно сдѣлался пожаръ.
Братья съ лавокъ поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно такъ?»
— «Это я, Иванъ-дуракъ!» —
Братья двери отворили,
Дурака въ избу впустили,
И давай его ругать, —
Какъ онъ смѣлъ ихъ такъ пугать!
А Иванъ нашъ, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведетъ оттуда рѣчь
Про ночное похождение,
Всѣмъ ушамъ на удивленье:
«Всю я ноченьку не спалъ,
«Звѣзды на небѣ считалъ;
«Мѣсяцъ ровно тоже свѣтилъ,

«Я порядкомъ не примѣтилъ.
«Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
«Съ бородою и съ усамъ;
«Рожа словно какъ у кошки,
«А глаза—то что те плоски!
«Вотъ и сталъ тотъ чортъ скакать,
«И зерно хвостомъ сбивать.
«Я шутить вѣдь не умѣю,
«И вскочи ему на шею.
«Ужъ таскалъ же онъ, таскалъ,
«Чуть башки мнѣ не сломалъ.
«Но и я вѣдь самъ не промахъ,
«Слышь, держалъ его какъ въ жомахъ,
«Бился, бился мой хитрецъ
«И взмолился наконецъ:
— «Не губи меня со свѣта!
«Цѣлый годъ тебѣ за это
«Обѣщаюсь смирно жить,
«Православныхъ не мутить.» —
«Я, слышь, словъ—то не помѣрилъ,
«Да чертенку и повѣрилъ.»

Тутъ разскащикъ замолчалъ,
Позѣвнулъ и задремалъ.
Братья, сколько не сердчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака.
Самъ старикъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться:
Хоть смѣяться, такъ оно
Старикамъ ужъ и грѣшно.

Много ль времени, аль мало
Съ этой ночи пробѣжало, —
Я про это ничего
Не слыхалъ ни отъ кого.
Ну, да что намъ въ томъ за дѣло, —
Годъ ли, два ли пролетѣло,
Вѣдь за ними не бѣжать....
Станемъ сказку продолжать.

Ну-съ, такъ вотъ что! Разъ Данило

(въ праздникъ, помнится, то было),
Натянувшись зѣльно пьянъ,
Затащился въ балаганъ.
Что жъ онъ видитъ?—Прекрасивыхъ
Двухъ коней золотогривыхъ,
Да игрушечку — конька
Ростомъ только въ три вершка,
На спинѣ съ двумя горбами,
Да съ аршинными ушами.
«Хмъ! теперь-то я узналъ,
«Для чего здѣсь дурень спалъ!»
Говорить себѣ Данило....
Чудо разомъ хмѣль посбило;
Вотъ Данило въ домъ бѣжить
И Гаврилъ говоритъ:
«Посмотри, какихъ красивыхъ
«Двухъ коней золотогривыхъ
«Нашъ дуракъ себѣ досталъ:
«Ты и слыхомъ не слыхалъ.»
И Данило да Гаврило,
Что въ ногахъ ихъ мочи было,

По крапивѣ прямикомъ
Такъ и дуютъ босикомъ.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здѣсь и тамъ,
Входятъ братья къ двумъ конямъ.
Кони ржали и храпѣли,
Очи яхонтомъ горѣли;
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струился золотой,
И алмазныя копыты
Крупнымъ жемчугомъ обиты.
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь царю бѣ на нихъ сидѣть.
Братья такъ на нихъ смотрѣли,
Что чуть-чуть не окривѣли.
«Гдѣ онъ это ихъ досталъ!
(Старшій среднему сказалъ).
«Но давно ужъ рѣчь ведется,
«Что лишь дурнямъ кладъ дается,

«Ты жъ хотъ лобъ себѣ разбей,
«Такъ не выбьешь двухъ рублей.
«Ну, Гаврило, въ ту седмицу
«Отведемъ—ка ихъ въ столицу;
«Тамъ боярамъ продадимъ,
«Деньги ровно подѣлимъ.
«А съ деньжонками, самъ знаешь,
«И попьешь и погуляешь,
«Только хлопни по мѣшку.
«А благому дураку
«Не достанетъ вѣдь догадки,
«Гдѣ гостять его лошадки;
«Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ.
«Ну, пріятель, по рукамъ!»
Братья разомъ согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промежъ собой
Про коней и про пирушку,
И про чудную звѣрушку.

Время катить чередомъ,
Часъ за часомъ, день за днемъ;
И на первую седмицу
Братья ѣдутъ въ градъ-столицу,
Чтобъ товаръ свой тамъ продать,
И на пристани узнать —
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами,
И нейдетъ ли царь Салтанъ
Бусурманить христіанъ?
Вотъ иконамъ помолились,
У отца благословились,
Взяли двухъ коней тайкомъ,
И отправились тишкомъ.

Вечеръ къ ночи пробирался;
На ночлегъ Иванъ собрался;
Вдоль по улицѣ идетъ,
Ѣстъ краюшку, да поетъ.
Вотъ онъ поля достигаетъ,
Руки въ боки подпираетъ,

И съ прискочкой, словно панъ,
Бокомъ входитъ въ балаганъ.

Все по прежнему стояло,
Но коней какъ не бывало;
Лишь игрушка—горбунокъ
У его вертѣлся ногъ,
Хлопалъ съ радости ушами,
Да приплясывалъ ногами.

Какъ завоюетъ тутъ Иванъ,
Опершись о балаганъ:

«Ой, вы, кони буры-сивы,

«Добры кони златогривы!

«Я ль васъ, други, не ласкалъ,

«Да какой васъ чортъ укралъ?

«Чтобъ пропасть ему, собакѣ!

«Чтобъ издохнуть въ буеракѣ!

«Чтобъ ему на томъ свѣту

«Провалиться на мосту!

«Ой, вы, кони буры-сивы,

«Добры кони златогривы!»

Тутъ конекъ ему заржалъ,
«Не тужи, Иванъ (сказалъ);
«Велика бѣда, не спорю;
«Но могу помочь я горю.
«Ты на чорта не клеpli:
«Братья кониковъ свели.
«Ну, да что болтать пустое,
«Будь, Иванушка, въ покоѣ.
«На меня скорѣй садись,
«Только знай себѣ держись;
«Я хоть росту меньшаго,
«Да смѣню коня другаго:
«Какъ пушусь да побѣгу,
«Такъ и бѣса настигу.»

Тутъ конекъ предъ нимъ ложится;
На конька Иванъ садится,
Уши въ заgreби беретъ,
Что есть мочушки реветъ.
Горбунокъ—конекъ встряхнулся,
Всталъ на лапки, встрепенулся,

Хлопнулъ гривкой, захрапѣлъ,
И стрѣлою полетѣлъ;
Только пыльными клубами
Вихорь вился подъ ногами,
И въ два мига, коль не въ мигъ,
Нашъ Иванъ воровъ настигъ.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись;
А Иванъ имъ сталъ кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
«Хоть Ивана вы умнѣе,
«Да Иванъ—то васъ честиѣе:
«Онъ у васъ коней не кралъ.»
Старшій, корчась, тутъ сказалъ:
«Дорогой нашъ братъ, Иваша!
«Что переться, дѣло наше;
«Но возьми же ты въ расчетъ
«Не корыстной нашъ животъ.
«Сколь шпеницы мы не сѣемъ,
«Чуть насущный хлѣбъ имѣемъ.

«До оброковъ ли намъ тутъ?»

«А исправники дерутъ.

«Вотъ съ такой большой печали

«Мы съ Гаврилой толковали

«Всю намеднишнюю ночь —

«Чѣмъ бы горюшку помочь?

«Такъ и этакъ мы рѣшили,

«Наконецъ вотъ такъ вершили,

«Чтобъ продать твоихъ коньковъ

«Хошь за тысячу рублейъ.

«А въ спасибо, молвить къ слову,

«Привезти тебѣ обнову —

«Красну шапку съ позвонкомъ,

«Да сапожки съ каблучкомъ.

«Да къ тому жъ, старикъ неможетъ,

«Работать уже не можетъ;

«А вѣдь надо жъ мыкать вѣкъ,

Самъ ты умной человѣкъ!»

— «Ну, коль этакъ, такъ ступайте,

«(говорить Иванъ), продайте

«Златогриваго коня,

«Да возьмите жъ и меня.»
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небѣ темнѣть;
Воздухъ началъ холодѣть;
Вотъ, чтобъ имъ не заблудиться,
Рѣшено остановиться.
Подъ навѣсами вѣтвей
Привязали всѣхъ коней,
Принесли съ ѣстнымъ лукошко,
Опохмѣлились немножко,
И пошли, что Боже дастъ,
Кто во что изъ нихъ гораздъ.

Вотъ Данило вдругъ примѣтилъ,
Что огонь вдали засвѣтилъ.
На Гаврилу онъ взглянулъ,
Лѣвымъ глазомъ подмигнулъ
И прикашлянулъ легонько,
Указавъ огонь тихонько.
Тутъ въ затылкѣ почесалъ

«Эхъ, какъ темно! (онъ сказалъ).
«Хоть бы мѣсяцъ этакъ въ шутку
«Къ намъ проглянулъ на минутку,
«Все бы легче. А теперь,
«Право, хуже мы тетерь....
«Да постой-ка.... мнѣ сдается,
«Что дымокъ тамъ свѣтлый вьется....
«Видишь, эвонъ!... такъ и есть!...
«Вотъ бы курево развѣсть!
«Чудо было бѣ!... А послушай,
«Побѣгай-ка, братъ Ванюша.
«А признаться, у меня
«Ни огнива, ни кремня.»
Самъ же думаетъ Данило:
«Чтобъ тебя тамъ задавило!»
А Гаврило говоритъ:
«Кто пень знаетъ что горить!
«Коль станичники пристали, —
«Поминай его, какъ звали!»
Все пустякъ для дурака,

Онъ садится на конька,
Бьетъ въ круты бока ногами,
Теребитъ его руками,
Изо всѣхъ горланить силъ....
Конь взвился и слѣдъ простылъ.
«Буди съ нами крестна сила!
(Закричалъ тогда Гаврило,
Оградясь крестомъ святымъ),
«Что за бѣсъ такой подъ нимъ!»

Огонекъ горитъ свѣтлѣе,
Горбунокъ бѣжитъ скорѣе.
Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ.
Свѣтитъ поле, словно днемъ;
Чудной свѣтъ кругомъ струится,
Но не грѣетъ, не дымится.
Диву дался тутъ Иванъ.
«Что (сказалъ онъ) за шайтанъ!
«Шапокъ съ пять найдется свѣту,
«А тепла и дыму нѣту;
«Эко чудо огонекъ!»

Говорить ему конекъ:

«Вотъ ужъ есть чему дивиться!

«Тутъ лежитъ перо Жарь-птицы.

«Но для счастья своего

«Не бери себѣ его.

«Много, много непокою

«Принесетъ оно съ собою.»

— «Говори ты! какъ не такъ!» —

Про себя ворчитъ дуракъ;

И, поднявъ перо Жарь-птицы,

Завернулъ его въ тряпицы,

Тряпки въ шапку положилъ,

И конька поворотилъ.

Вотъ онъ къ братьямъ пріѣзжаетъ

И на спросъ ихъ отвѣчаетъ:

«Какъ туда я доскакалъ,

«Пень горѣлый увидалъ;

«Ужъ надъ нимъ я бился, бился,

«Такъ что чуть не надсадился;

«Раздувалъ его я съ часъ,

«Нѣтъ, вѣдь, чортъ возьми, угасъ!»

Братья цѣлу ночь не спали,
Надъ Иваномъ хохотали;
А Иванъ подъ возъ присѣлъ,
Вплоть до утра прохрапѣлъ.

Тутъ коней они впрягали,
И въ столицу пріѣзжали,
Становились въ конный рядъ,
Супротивъ большихъ палатъ.

Въ той столицѣ былъ обычай,
Коль не скажетъ городничій, —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вотъ обѣдня наступаетъ;
Городничій выѣзжаетъ
Въ туфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
Съ сотней стражи городской.
Рядомъ ѣдетъ съ нимъ глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Онъ въ злату трубу трубитъ,
Громкимъ голосомъ кричитъ:

«Гости! лавки отпирайте,
«Покупайте, продавайте;
«А надсмотрщикамъ сидѣть
«Подлѣ лавокъ и смотрѣть,
«Чтобы не было содому,
«Ни давежа, ни погрому,
«И чтобы никой уродъ
«Не обманывалъ народъ!»
Гости лавки отпираютъ,
Людѣ крещеный закликаютъ:
«Эй, честные господа,
«Къ намъ пожалуйте сюда!
«Какъ у насъ ли тары-бары,
«Всяки разные товары!»
Покупальщики идутъ,
У гостей товаръ берутъ;
Гости денежки считаютъ,
Да надсмотрщикамъ мигають.

Между тѣмъ градской отрядъ
Пріѣзжаетъ въ конный рядъ;

Смотрить — давка отъ народу,
Нѣтъ ни выходу, ни входу;
Такъ кишма вотъ и кишать,
И смѣются и кричатъ.
Городничій удивился,
Что народъ развеселился,
И приказъ отряду далъ,
Чтобъ дорогу прочищалъ.
«Эй! вы, черти босоноги!
«Прочь съ дороги! прочь съ дороги!»
Закричали усачи,
И ударили въ бичи.
Тутъ народъ зашевелился,
Шапки снялъ и разступился.

Предъ глазами конный рядъ:
Два коня въ ряду стоятъ,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотыя,
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ струится золотой.

Нашъ старикъ, сколь ни былъ пылокъ,
Долго теръ себѣ затылокъ.
«Чуденъ,» молвилъ, «Божій свѣтъ!
«Ужъ какихъ чудесъ въ немъ нѣтъ!»
Весь отрядъ тутъ поклонился,
Мудрой рѣчи подивился.
Городничій, между тѣмъ,
Наказалъ престрого всѣмъ,
Чтобъ коней не покупали,
Не зѣвали, не кричали;
Что онъ ѣдетъ ко двору
Доложить о всемъ Царю.
И, оставивъ часть отряда,
Онъ поѣхалъ для доклада.

Пріѣзжаетъ во дворецъ.
«Ты помилуй, Царь—отецъ!»
Городничій восклицаетъ,
И всѣмъ тѣломъ упадаетъ:
«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнѣ говорить!»
Царь изволилъ молвить: «Ладно,
«Говори, да только складно.»
— «Какъ умѣю, расскажу:
«Городничимъ я служу;
«Вѣрой-правдой исправляю
«Эту должность. ...» — «Знаю, знаю!»
— «Вотъ сегодня, взявъ отрядъ,
«Я поѣхалъ въ конный рядъ,
«Пріѣзжаю — тьма народу!
«Ну, ни выхода, ни входу.
«Что тутъ дѣлать?... Приказалъ
«Гнать народъ, чтобъ не мѣшалъ.
«Такъ и случилось, Царь-надежа!
«И поѣхалъ я, — и что-же?
«Предо мною конный рядъ:
«Два коня въ ряду стоятъ,
«Молодые, вороные,
«Вьются гривы золотыя,
«Въ мелки кольца завитой,
«Хвостъ струится золотой,

«И алмазныя копыты
«Крупнымъ жемчугомъ обиты.»

Царь не могъ тутъ усидѣть.
«Надо коней поглядѣть,»
Говорить онъ; «да не худо
«И завести такое чудо.
«Гей, повозку мнѣ!» — И вотъ
Ужъ повозка у воротъ;
Царь умылся, нарядился,
И на рынокъ покатился;
За Царемъ стрѣльцовъ отрядъ.

Вотъ онъ вѣхалъ въ конный рядъ,
На колѣни всѣ тутъ пали,
И ура! Царю кричали.
Царь раскланялся и въ мигъ
Молодцемъ съ повозки прыгъ....
Глазъ своихъ съ коней не сводить,
Справа, слѣва къ нимъ заходитъ,

Словомъ ласковымъ зоветъ,
По спинѣ ихъ тихо бьетъ,
Треплетъ шею ихъ крутую,
Гладитъ гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Онъ спросилъ, оборотясь
Къ окружавшимъ: «Эй, ребята!
«Чьи такіе жеребята?
«Кто хозяинъ?» — Тутъ Иванъ
Руки въ боки, словно панъ,
Изъ-за братьевъ выступаетъ
И, надувшись, отвѣчаетъ:
«Эта пара, Царь, моя,
«И хозяинъ — тоже я.»
— «Ну, я пару покупаю;
«Продаешь ты?» — «Нѣтъ, мѣняю.»
— «Что въ промѣнъ берешь добра?»
«Два-пять шапокъ серебра.»
— «То есть, это будетъ десять.»
Царь тотчасъ велѣлъ отвѣсить,
И, по милости своей,

Далъ въ прибавокъ пять рублей.
Царь-то былъ великодушный!

Повели коней въ конюшни
Десять конюховъ сѣдыхъ,
Всѣ въ нашивкахъ золотыхъ,
Всѣ съ цвѣтными кушаками,
И съ сафьянными бичами.
Но дорогой, какъ на смѣхъ,
Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,
Всѣ уздечки разорвали,
И къ Ивану прибѣжали.

Царь отправился назадъ,
Говорить ему: «Ну, братъ,
«Пара нашимъ не дается;
«Дѣлать нечего, придется
«Во дворцѣ тебѣ служить;
«Будешь въ золотѣ ходить,
«Въ красно платьѣ наряжаться,
«Словно въ маслѣ сырѣ кататься,

«Всю конюшенну мою
«Я въ приказъ тебѣ даю,
«Царско слово въ томъ порука.
«Что, согласенъ?» — «Эка штука!
«Во дворцѣ я буду жить,
«Буду въ золотѣ ходить,
«Въ красно платье наряжаться,
«Словно въ маслѣ сырѣ кататься,
«Весь конюшенный заводъ
«Царь въ приказъ мнѣ отдаетъ;
«То есть, я изъ огорода
«Стану царскій воевода.
«Чудно дѣло! такъ и быть,
«Стану, Царь, тебѣ служить.
«Только, чуръ, со мной не драться,
«И давать мнѣ высыпаться,
«А не то, я былъ таковъ!»

Тутъ онъ кликнулъ скакуновъ
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Самъ махая рукавицей,

И, подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ трепака;
А конекъ его — горбатко
Такъ и ломится въ присядку,
Къ удивленью людямъ всѣмъ.

Два-же брата между тѣмъ
Деньги Царски получили,
Въ пояски ихъ позашили,
Постучали ендовой,
И отправились домой
Дома дружно подѣлились,
Оба въ разъ они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ Христіанъ,
Что надѣлалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,

При конюшнѣ государственной;
Какъ въ сусѣдки онъ попалъ,
Какъ перо свое прогналъ,
Какъ хитро поймалъ Жаръ-птицу,
Какъ похитилъ Царь-дѣвицу,
Какъ онъ ѣздилъ за кольцомъ,
Какъ былъ на небѣ посломъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селеньѣ
Киту выпросилъ прощенье;
Какъ къ числу другихъ затѣй,
Спасъ онъ тридцать кораблей;
Какъ въ котлахъ онъ не варился,
Какъ красавцемъ учинился;
Словомъ: наша рѣчь о томъ,
Какъ онъ сдѣлался царемъ.

ЧАСТЬ II.

«Скоро сказка сказывается,
«А не скоро дѣло дѣлается.»

Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ,
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго коурка.
Козы на море ушли;
Горы лѣсомъ поросли;
Конь съ златой узды срывался,
Прямо къ солнцу поднимался;
Лѣсъ стоячій подъ ногой,
Сбоку облакъ громовой;
Ходить облакъ и сверкаетъ,
Громъ по небу разсыпаетъ.

Это присказка: пожди,
Сказка будетъ впереди.
Какъ на морѣ—Окіянѣ,
И на островѣ Буянѣ,
Новый гробъ въ лѣсу стоитъ,
Въ гробѣ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ;
Черный звѣрь въ дубравѣ рыщетъ.
Это присказка, а вотъ —
Сказка чередомъ пойдетъ.

Ну, такъ видите ль, міряне,
Православны Христіане,
Нашъ удалый молодецъ
Затесался во дворецъ;
При конюшнѣ царской служить,
И нисколько не потужитъ
Онъ о братьяхъ, объ отцѣ,
Въ государевомъ дворцѣ.
Да и что ему до братьевъ?
У Ивана красныхъ платьевъ,

Красныхъ шапокъ, сапоговъ,
Чуть не десять коробовъ;
Бсть онъ сладко, спить онъ столько,
Что раздолье, да и только!

Вотъ недѣлей черезъ пять,
Началъ Спальникъ примѣчать....
Надо молвить: этотъ Спальникъ
До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшной надо всей,
Изъ боярскихъ слылъ дѣтей;
Такъ не диво, что онъ злился
На Ивана, и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вонъ изъ дворца.
Но лукавство сокрывая,
Онъ для всякаго случая
Притворился, плуть, глухимъ,
Близорукимъ и нѣмымъ;
Самъ-же думаетъ: «постой-ка,
«Я те двину, неумойка!»

Такъ недѣлей черезъ пять,
Спальникъ началъ примѣчать,
Что Иванъ коней не холить,
И не чистить, и не школить;
Но при всемъ томъ два коня
Словно лишь изъ-подъ гребня:
Чисто-на-чисто обмыты,
Гривы въ косы перевиты,
Чолки собраны въ пучокъ,
Шерсть—ну, лоснится какъ шолкъ;
Въ стойлахъ — свѣжая пшеница,
Словно тутъ же и родится,
И въ чанахъ большихъ сыта
Будто только налита.

«Что за притча тутъ такая?»

Спальникъ думаетъ, вздыхая:

«Ужъ не ходитъ ли, постой,

«Къ намъ проказникъ-домовой?

«Да-ка я подкараулю,

«А нешто, такъ я и пулю,

«Не смигнувъ, умѣю слить:

«Лишь бы дурня уходить.
«Донесу я въ думѣ царской,
«Что конюшій государственной
«Бесурманинъ, ворожей,
«Чернокнижникъ и злодѣй;
«Что онъ съ бѣсомъ хлѣбъ-соль водить,
«Въ церковь Божию не ходитъ,
«Католицкой держитъ крестъ,
«И постами мясо ѣстъ.»

Въ тотъ же вечеръ этотъ Спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,
Въ стойлы спрятался тайкомъ,
И обсыпался овсомъ.

Вотъ и полночь наступила.
У него въ груди заныло:
Онъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ,
Самъ все въ дырочку глядитъ,
Ждетъ сусѣдки.... Чу! въ самъ-дѣлѣ,
Двери глухо заскрыпѣли,

Кони топнули, и вотъ
Входитъ старый коноводъ.
Дверь задвижкой запираетъ,
Шапку бережно скидаетъ,
На окно ее кладетъ,
И изъ шапки той беретъ
Въ три завернутый тряпицы
Царскій кладъ, — перо Жаръ-птицы.
Свѣтъ такой тутъ заблисталъ,
Что чуть Спальникъ не вскричалъ,
И отъ страху такъ забился,
Что овесъ съ него свалился.
Но сусѣдкѣ не въ домекъ!
Онъ кладетъ перо въ сусѣкъ,
Чистить коней начинаетъ,
Умываетъ, убираетъ,
Гривы длинныя плететъ,
Разны пѣсенки поетъ.
А межъ тѣмъ, свернувшись клубомъ,
Поколачивая зубомъ,
Смотритъ Спальникъ въ полуглазъ

На творца ночныхъ проказъ.
Что за бѣсъ! нешто нарочно
Прирядился плутъ полночной;
Нѣтъ роговъ, ни бороды,
Рижій парень, хоть куды!
Волось гладкой, съ боку ленты,
На рубашкѣ прозументы,
Сапоги какъ аль сафьянъ,
Ну, точнехонько Иванъ.
Что за диво? смотритъ снова
Нашъ глазѣй на домоваго....
«Э! такъ вотъ что!» наконецъ
Проворчалъ себѣ хитрецъ:
«Ладно, завтра жъ Царь узнаетъ,
«Что твой глупый умъ скрываетъ.
«Подожди лишь только дня,
«Будешь помнить ты меня!»
А Иванъ, совсѣмъ не зная,
Что ему бѣда такая
Угрожаетъ, все плететь
Гривы въ косы, да поетъ,

А убравъ ихъ, въ оба чана
Нацѣдилъ сыты медвяной,
И насыпалъ до-полна
Бѣлаярова пшена.
Тутъ, зѣвнувъ, перо Жаръ-птицы
Завернулъ опять въ тряпицы,
Шапку подъ ухо и легъ
У коней близъ заднихъ ногъ.

Только начало зориться;
Спальникъ началъ шевелиться,
И услыша, что Иванъ
Такъ храпитъ, какъ Ерусланъ,
Онъ тихонько внизъ слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ,
Пальцы въ шапку запустилъ,
Хватъ перо — и слѣдъ простылъ.

Царь лишь только пробудился,
Спальникъ нашъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,

И запѣлъ Царю потомъ:

«Я съ повинной головою,

«Царь, явился предъ тобою,

«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнѣ говорить.»

— «Говори, не прибавляя,»

Царь сказалъ ему зѣвая:

«Если жъ ты да будешь врать,

«То кнута не миновать.»

Спальникъ нашъ, собравшись съ силой,

Говоритъ Царю: «Помилуй!

«Вотъ—те истинный Христось,

«Справедливъ мой, Царь, доносъ:

«Нашъ Иванъ, то всякой знаетъ,

«Отъ тебя, отецъ, скрываетъ,

«Но не злато, не серебро, —

«Жароптицево перо....»

— «Жароптицево?... Проклятой!

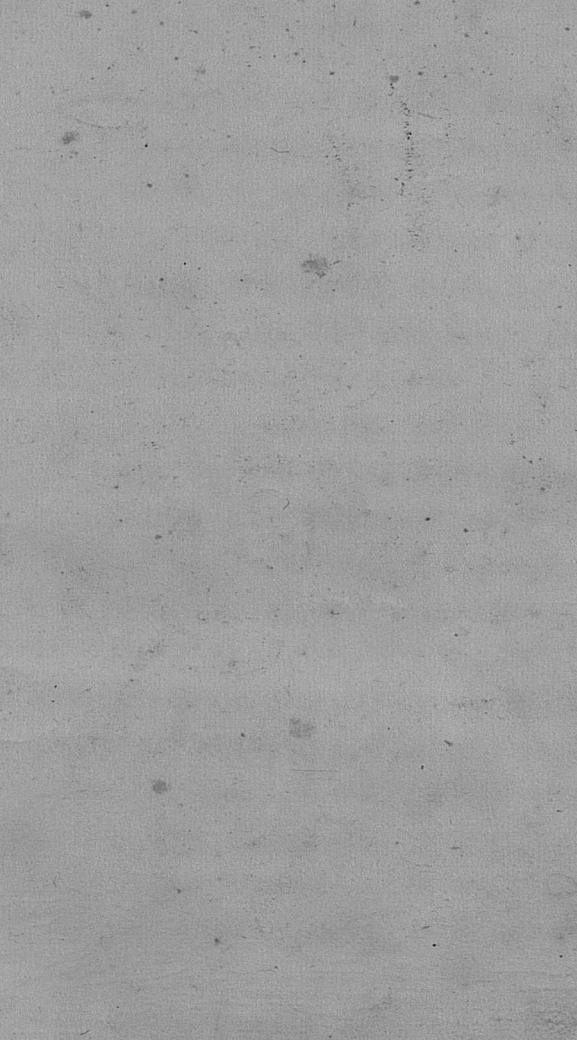
«И онъ смѣлъ такой богатой....

«Погоди же ты, злодѣй!

«Не минуешь ты плетей!...»

— «Да и толь еще онъ знаетъ!»
Спальникъ тихо продолжаетъ,
Изогнувшись: «Добро!»
«Пусть имѣль бы онъ перо;
«Да и самую Жарь-птицу,
«Во твою, отецъ, свѣтлицу,
«Если бъ вздумалъ приказать,
«Похваляется достать.»
И доносчикъ съ этимъ словомъ
Скрючась обручемъ таловымъ,
Ко кровати подошелъ,
Подалъ кладъ — и снова въ полъ.

Царь смотрѣлъ и дивовался,
Гладилъ бороду, смѣялся,
И скусилъ пера конецъ.
Тутъ, улавъ его въ ларецъ,
Закричалъ (отъ нетерпѣнья),
Подтвердивъ свое велѣнье
Быстрымъ взмахомъ кулака:
«Гей! позвать мнѣ дурака!»

И посыльные дворяна
Побѣжали по Ивана,
Но, столкнувшись всѣ въ углу,
Растянулись на полу.
Царь тѣмъ много любовался,
И до колотья смѣялся.
А дворяна, усмотря,
Что смѣшно то для Царя,
Межъ собой перемигнулись,
И въ другоредь растянулись.
Царь тѣмъ такъ доволенъ былъ,
Что ихъ шапкой наградилъ.
Тутъ посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана,
И на этотъ уже разъ
Обошлись безъ проказъ.

Вотъ къ конюшнѣ прибѣгаютъ,
Двери настежъ отворяютъ,
И ногами дурака
Ну толкать во всѣ бока.

Съ полчаса надъ нимъ возились,
Но его не добудились,
Наконецъ ужъ рядовой
Разбудилъ его метлой.

«Что за челядь тутъ такая?»
Говорить Иванъ, вставая:
«Какъ хвачу я васъ бичемъ,
«Такъ не станете потомъ
«Безъ пути будить Ивана.» —
Говорять ему дворяна:
«Царь изволилъ приказать
«Намъ тебя къ нему позвать.»
— «Царь?... Ну ладно! Вотъ сряжуся
«И тотчасъ къ нему явлюся,»
Говорить посламъ Иванъ.
Тутъ надѣлъ онъ свой кафтанъ,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнутъ свой съ боку прицѣпилъ,
Сковно утица поплылъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнулъ дважды и спросилъ:
«А пошто меня будилъ?»
Царь, прищурясь глазомъ лѣвымъ,
Закричалъ къ нему со гнѣвомъ,
Приподнявшись: «Молчать!
«Ты мнѣ долженъ отвѣчать —
«Въ силу коего указа
«Скрылъ отъ нашего ты глаза
«Наше царское добро —
«Жароптицево перо?
«Что я — Царь, али бояринъ?
«Отвѣчай сейчасъ, татаринъ!»
Тутъ Иванъ, махнувъ рукой,
Говорить Царю: «Постой!
«Я те шапки ровно не далъ,
«Какъ же ты о томъ провѣдалъ?
«Что ты — ажно ты пророкъ?
«Ну, да что, сади въ острогъ,
«Прикажи сейчасъ хоть въ палки, —

«Нѣтъ пера, да и шабалки!»

— «Отвѣчай же! заporю!...» —

«Я те толкомъ говорю:

«Нѣтъ пера! да слышь, откуда

«Мнѣ достать такое чудо?»

Царь съ кровати тутъ вскочилъ

И ларецъ съ перомъ открылъ.

«Что? ты смѣлъ еще переться?

«Да ужъ нѣтъ, не отвертѣться!

«Это что? а?» — Тутъ Иванъ,

Задрожалъ какъ листъ въ бурнѣ.

Шапку выронилъ съ испуга.

«Что, пріятель, видно туго?»

Молвилъ Царь: «постой-ка, братъ!...»

— «Охъ, помилуй, виновать!

«Отпусти вину Ивану,

«Я впередъ ужъ вратъ не стану.»

И, закутавшись въ полу,

Растянулся на полу.

— «Ну, для перваго случаю,

«Я вину тебѣ прощаю,»

Царь Ивану говорить:

«Я, помилуй Богъ, сердить!

«И съ сердецъ иной порою

«Чубъ сниму и съ головою.

«Такъ вотъ, видишь, я каковъ!

«Но сказать безъ дальнихъ словъ,

«Я узналъ, что ты Жаръ-птицу

«Въ нашу царскую свѣтлицу,

«Если бъ вздумалъ приказать,

«Похваляешься достать.

«Ну, смотри жъ, не отпирайся,

«И достать ее старайся.»

Тутъ Иванъ волчкомъ вскочилъ.

«Я того не говорилъ!»

Закричалъ онъ, утираясь:

«О перѣ не запираюсь,

«Но о птицѣ, какъ ты хошь,

«Ты напраслину ведешь.»

Царь, затрясши бородою —

«Что? рядиться мнѣ съ тобою!»

Закричалъ онъ: «Но смотри,

«Если ты недѣли въ три
«Не достанешь мнѣ Жаръ-птицу
«Въ нашу царскую свѣтлицу,
«То, клянуся бородой!
«Гдѣ-нибудь, хоть подъ водой,
«Посажу тебя я на колъ.
«Вонъ, холопъ!» — Иванъ заплакалъ
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

Горбунокъ, его почуя,
Дрягнулъ было плясовую;
Но какъ слезы увидалъ,
Самъ чуть-чуть не зарыдалъ.
«Что, Иванушка, не веселъ?»
«Что головушку повѣсилъ?»
Говорилъ ему конекъ,
У его вертятся ногъ.
«Не утайся предо мною,
«Все скажи, что за душою;
«Я помочь тебѣ готовъ.

«Аль, мой милый, нездоровъ?»

«Аль попался къ лиходѣю?»

Палъ Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ:

«Царь велитъ достать Жаръ-птицу—

«Въ государственную свѣтлицу.

«Что мнѣ дѣлать, горбунокъ?»

Говоритъ ему конекъ:

«Велика бѣда, не спорю;

«Но могу помочь я горю.

«Отъ того бѣда твоя,

«Что не слушался меня;

«Помнишь, ѣхавъ въ градъ-столицу

«Ты нашелъ перо Жаръ-птицы;

«Я сказалъ тебѣ тогда:

«Не бери, Иванъ, — бѣда!

«Много, много непокою

«Принесетъ оно съ собою.

«Вотъ теперя ты узналъ —

«Правду ль я тебѣ сказалъ.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди.
«Ты къ Царю теперь поди
«И скажи ему открыто:
— «Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлая пшеница,
«Да заморскаго вина;
«Да вели поторопиться:
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ.»

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ,
Говоритъ ему открыто:
«Надо, Царь, мнѣ два корыта
«Бѣлая пшеница,
«Да заморскаго вина.
«Да вели поторопиться:
«Завтра только зазорится,
«Мы отправимся въ походъ.»
Царь тотчасъ приказъ даетъ,

Чтобъ посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назвалъ
И — «счастливый путь!» сказалъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Гей! хозяинъ! полно спать!
«Время дѣло исправлять!»
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ корыта и пшено
И заморское вино;
Потеплѣе приодѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся,
Вынулъ хлѣба ломотокъ,
И поѣхалъ на Востокъ —
Доставать тое Жарь-птицу.

Блудъ цѣлую седмицу.
Напоследокъ, въ день осьмой,

Пріѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
«Ты увидишь здѣсь поляну;
«На полянѣ той гора
«Вся изъ чистаго сребра;
«Вотъ сюда-то до зарницы
«Прилетаютъ жары-птицы
«Изъ ручья воды испить;
«Тутъ и будемъ ихъ ловить.»
И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаетъ на поляну.
Что за поле! зелень тутъ
Словно камень-изумрудъ;
Вѣтерокъ надъ нею вѣетъ,
Такъ вотъ искорки и сѣетъ;
А по зелени цвѣты
Несказанной красоты.
Посреди же той поляны,
Словно облачные станы,
Возвышается гора
Вся изъ чистаго сребра.

Солнце лѣтними лучами
Красить всю ее зарями,
Въ згибахъ золотомъ бѣжить,
На верхахъ свѣчой горитъ.

Вотъ конекъ по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробѣжалъ,
Устоялся и сказалъ:

«Скоро ночь, Иванъ, начнется,

«И тебѣ стеречь придется.

«Ну, въ корыто лей вино,

«И съ виномъ мѣшай пшено.

«А чтобъ быть тебѣ закрыту,

«Ты къ другому сядь корыту,

«Втихомолку примѣчай;

«Да смотри же, не зѣвай.

«До восхода, слышь, зарницы

«Прилетятъ сюда жаръ-птицы

«И начнутъ пшено клевать,

«Да по-своему кричать.

«Ты, которая поближе,
«И схвати ее, смотри же!
«А поймашь птицу-жарь,
«И кричи на весь базарь;
«Я тотчасъ къ тебѣ явлюся.»

— «Ну, а если обожгуся?»
Говорить коньку Иванъ,
Разстилая свой кафтанъ.
«Рукавички взять придется;
«Чай, плутовка больно жжется.»
Тутъ конекъ изъ глазъ исчезъ,
А Иванъ, крехтя, подлѣзъ
Подъ дубовое корыто,
И лежить тамъ, какъ убитой.

Вотъ полночною порой
Свѣтъ разлился надъ горой, —
Будто полдни наступаютъ:
Жары-птицы налетаютъ;
Стали бѣгать и кричать,
И пшено съ виномъ клевать.

Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой,
Смотритъ птицъ изъ-подъ корыта,
И толкуетъ самъ съ собой,
Разводя вотъ такъ рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
«Экъ ихъ — дряней привалило!
«Чай, ихъ тутъ десятковъ съ пять.
«Кабы всѣхъ переимать, —
«То-то было бы поживы!
«Неча молвить, страхъ красивы!
«Ножки красныя у всѣхъ;
«А хвосты-то — сущій смѣхъ!
«Чай, такихъ у курицъ нѣту;
«А ужъ сколько, парень, свѣту,
«Словно батюшкина печь!»
И, скончавъ такую рѣчь,
Нашъ Иванъ, крехтя съ надсады,
Вылѣзъ кой-какъ изъ засады,
Ко пшену съ виномъ подползъ, —
Хватъ одну изъ птицъ за хвостъ.
«Ой! конечикъ-горбуночикъ!

«Прибѣгай скорѣй, дружочикъ!»
«Я вѣдь птицу-то поймалъ.»
Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ.
Горбунокъ тотчасъ явился.
«Ай, хозяинъ, отличился!»
Говорить ему конекъ:
«Ну, скорѣй ее въ мѣшокъ!»
«Да завязывай тужѣе;
«А мѣшокъ привѣсь на шею,
«Надо намъ въ обратный путь.»
—«Нѣтъ, дай птиць-то мнѣ пугнуть!»
Говорить Иванъ: «Смотри-ка,
«Вишь, надсѣлися отъ крика!»
И, схвативши свой мѣшокъ,
Хлещетъ вдоль и поперегъ.
Яркимъ пламенемъ сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругомъ огненнымъ свилась
И за тучи понеслась.
А Иванъ нашъ въ слѣдъ за ними
Рукавицами своими

Такъ и машеть и кричить,
Словно щелокомъ облить.
Птицы въ тучахъ потѣрялись;
Наши путники собрались,
Уложили царскій кладъ,
И вернулись назадъ.

Вотъ пріѣхали въ столицу.
«Что, досталъ ли ты Жаръ-птицу?»
Царь Ивану говоритъ,
Самъ на Спальника глядитъ.
А ужъ тотъ, нешто отъ скуки,
Искусалъ себѣ всѣ руки.
«Разумѣется, досталъ,»
Нашъ Иванъ Царю сказалъ. —
«Гдѣ жъ она?» — «Постой немножко,
«Прикажи сперва окошко
«Въ почивальнѣ затворить,
«Знашь, чтобъ темень сотворить.»
Тутъ дворяна побѣжали,
И окошко затворяли.

Вотъ Иванъ мѣшокъ на столъ.

«Ну-ка, бабушка, пошелъ!»

Свѣтъ такой тутъ вдругъ разлился,

Что весь дворъ рукой закрылся,

Царь кричитъ на весь базаръ:

«Ахти, батюшки, пожаръ!

«Эй, рѣшоточныхъ сзывайте!

«Заливайте! заливайте!»

— «Это, слышь ты, не пожаръ,

«Это свѣтъ отъ птицы-жаръ.»

Молвилъ ловчій, мря со смѣху:

«Видишь, знатную потѣху

«Я привезъ те, Осударь!» —

Говоритъ Ивану Царь:

«Вотъ, люблю дружка-Ванюшу!

«Взвеселилъ мою ты душу,

«И на радости такой —

«Будь же царской Стремянной!»

Это видя, хитрый Спальникъ,

Прежній конюшихъ начальникъ,

Говорить себѣ подъ носъ:

«Нѣтъ, постой, молокососъ!

«Не всегда тебѣ случится

«Такъ канальски отличиться.

«Я те снова подведу,

«Мой дружокъ, подъ бѣду!»

Черезъ три потомъ недѣли,

Вечеркомъ однимъ сидѣли

Въ царской кухнѣ повара

И служители Двора;

Попивали медъ изъ жбана,

Да читали Еруслана.

«Эхъ!» одинъ слуга сказалъ,

«Какъ севодни я досталъ

«Отъ сосѣда чудо-книжку!

«Въ ней страницъ не такъ чтобъ слишкомъ,

«Да и сказокъ только пять;

«А ужъ сказки — вамъ сказать,

«Такъ не можно надивиться;

«Надо жъ эдакъ умудриться!»

Тутъ всѣ въ голосъ: «Удружи!
«Разскажи, братъ, разскажи!»
— «Ну, какую жъ вы хотите?
«Пять вѣдь сказокъ; вотъ смотрите:
«Перва сказка о *Бобръ*;
«А вторая о *Царь*;
«Третья.... дай Богъ память.... точно!
«О *Боярынь восточной*;
«Вотъ въ четвертой: *Князь Бобыль*;
«Въ пятой.... въ пятой.... эхъ, забылъ!
«Въ пятой сказкѣ говорится....
«Такъ въ умѣ вотъ и вертится...»
— «Ну, да брось ее!» — «Постой!...»
«О красоткѣ что ль какой?»
— «Точно! Въ пятой говорится
«О прекрасной *Царь-дѣвицѣ*.
«Ну, которую жъ, друзья,
«Разскажу севодни я?»
— «*Царь-дѣвицу!*» всѣ кричали;
«О царяхъ мы ужъ слыхали,
«Намъ красотокъ-то скорѣй!

«Ихъ и слушать веселѣй.»
И слуга, усѣвшись важно,
Сталъ разсказывать протяжно:

«У далекихъ Нѣмскихъ странъ
«Есть, ребята, окіанъ.
«По тому ли окіану
«Ѣздятъ только Бесурманы;
«Съ православной же земли
«Не бывали николи,
«Ни дворяне, ни міряне
«На поганомъ окіанѣ.
«Отъ гостей же слухъ идетъ,
«Что дѣвица тамъ живетъ;
«Но дѣвица не простая,
«Дочь, вишь, мѣсяцу родная,
«Да и солнышко ей братъ.
«Та дѣвица, говорятъ,
«Ѣздитъ въ красномъ полушубкѣ,
«Въ золотой, ребята, шляпкѣ,
«И серебрянымъ весломъ

«Самолично править въ немъ;

«Разны пѣсни попѣваетъ,

«И на гусельцахъ играетъ...»

Спальникъ тутъ съ палатей скокъ,

И со всѣхъ, что было, ногъ

Во дворецъ къ Царю пустился,

И какъ разъ къ нему явился;

Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,

И запѣлъ Царю потомъ:

«Я съ повинной головою,

«Царь, явился предъ тобою,

«Не вели меня казнить,

«Прикажи мнѣ говорить!»

— «Говори, да правду только

«И не ври, смотри, нисколько!»

Царь съ кровати закричалъ.

Хитрый Спальникъ отвѣчалъ:

«Мы севодни въ кухнѣ были,

«За твое здоровье пили,

«А одинъ изъ дворскихъ слугъ

«Насъ забавилъ сказкой вслухъ;
«Въ этой сказкѣ говорится
«О прекрасной Царь-дѣвицѣ.
«Вотъ твой царской Стремянной
«Поклялся твоей бородой,
«Что онъ знаетъ эту птицу, —
«Такъ онъ назвалъ Царь-дѣвицу, —
«И ее, изволишь знать,
«Похваляется достать.»
Спальникъ стукнулъ объ полъ снова.
«Гей, позвать мнѣ Стремяннова!»
Царь посыльнымъ закричалъ.
Спальникъ тутъ за печку сталъ;
А посыльные дворяна
Побѣжали по Ивану;
Въ крѣпкомъ снѣ его нашли,
И въ рубашкѣ привели.

Царь такъ началъ рѣчь: «Послушай,
«На тебя доносъ, Ванюша.
«Говорятъ, что вотъ сейчасъ,

«Похвалялся ты для насъ
«Отыскать другую птицу;
«Сирѣчь, молвить, Царь-дѣвицу....»
— «Что ты, что ты, Богъ съ тобой!»
Началъ царской Стремянной:
«Чай съ просонковъ, я толкую,
«Штуку выкинулъ такую.
«Да хитри себѣ какъ хошь,
«А меня не проведешь.»
Царь, затрясши бородою, —
«Что, рядиться мнѣ съ тобою?»
Закричалъ онъ: «Но смотри,
«Если ты недѣли въ три
«Не достанешь Царь-дѣвицу
«Въ нашу царскую свѣтлицу,
«То, клянуся бородой,
«Гдѣ-нибудь, хоть подъ водой,
«Посажу тебя я на колъ.
«Вонъ холопъ!» Иванъ заплакалъ,
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не веселъ?»
«Что головушку повѣсилъ?...»
Говорить ему конекъ:
«Аль, мой милый, занемогъ?»
«Аль попался къ лиходѣю?»
Паль Иванъ къ коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
«Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ:
«Царь велить въ свою свѣтлицу
«Мнѣ достать, слышь, Царь-дѣвицу.
«Что мнѣ дѣлать, Горбунокъ?»
Говорить ему конекъ:
«Велика бѣда, не спорю;
«Но могу помочь я горю.
«Отъ того бѣда твоя,
«Что не слушался меня.
«Но сказать тебѣ по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди!
«Ты къ Царю теперь поди,
«И скажи: — Вѣдь для поимки,

«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширинки,
«Шитой золотомъ шатерьъ,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И сластей для прохлажденья.»

Вотъ Иванъ къ Царю идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Для царевниной поимки
«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширинки,
«Шитой золотомъ шатерьъ,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И сластей для прохлажденья.»
— «Вотъ давно бы такъ, чѣмъ нѣтъ,»
Царь съ кровати далъ отвѣтъ,
И велѣлъ, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его казвалъ,
И — «счастливый путь!» сказалъ.

На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана:
«Гей, хозяинъ! полно спать!
«Время дѣло исправлять!»
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ ширинки и шатерь,
Да обѣденный приборъ —
Весь заморскаго варенья,
И сластей для прохлажденья;
Все въ мѣшокъ дорожный склалъ,
И веревкой завязалъ.
Потеплѣе приодѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся;
Вынулъ хлѣба ломотокъ,
И поѣхалъ на востокъ,
По тое-ли Царь-дѣвицу.

Ѣдутъ цѣлую седмицу.
Напослѣдокъ, въ день осьмой,
Приѣзжаютъ въ лѣсъ густой.

Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
«Вотъ дорога къ Окіяну,
«И на немъ—то круглый годъ
«Та красавица живетъ;
«Два раза она лишь сходитъ
«Съ Окіяна, и приводитъ
«Долгій день на землю къ намъ.
«Вотъ увидишь завтра самъ.»
И, окончивъ рѣчь къ Ивану,
Выбѣгаетъ къ Окіяну,
На которомъ бѣлый валъ
Одинешенекъ гулялъ.
Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,
А конекъ ему вѣщаетъ:
«Ну, раскидывай шатеръ,
«На ширинку ставь приборъ
«Изъ заморскаго варенья
«И сластей для прохлажденья.
«Самъ ложися за шатромъ,
«Да смекай себѣ умомъ.
«Видишь, шлюпка вонъ мелькаетъ...

«То Царевна подплываетъ.
«Пусть въ шатеръ она войдетъ,
«Пусть покушаетъ, попьетъ;
«Вотъ какъ въ гусли заиграетъ, —
«Знай, ужъ время наступаетъ:
«Ты тотчасъ въ шатеръ вбѣгай,
«Ту Царевну сохватай,
«И держи ее сильнѣе,
«Да зови меня скорѣе.
«Я на первый твой приказъ
«Прибѣгу къ тебѣ какъ разъ;
«И поѣдемъ.... Да смотри же,
«Ты гляди за ней поближе;
«Если жъ ты ее проспишь,
«Такъ бѣды не избѣжишь.»
Тутъ конекъ изъ глазъ сокрылся,
За шатеръ Иванъ забился,
И давай дыру вертѣть,
Чтобъ Царевну подсмотрѣть.
Ясный полдень наступаетъ;

Царь-дѣвица подплываетъ,
Входитъ съ гуслими въ шатеръ
И садится за приборъ.
«Хмъ! такъ вотъ та Царь-дѣвица!
«Какъ же въ сказкахъ говорится,»
Разсуждаетъ Стремянной:
«Что куда красна собой
«Царь-дѣвица, такъ что диво!
«Эта вовсе не красива:
«И блѣдна-то, и тонка,
«Чай, въ обхватъ-то три вершка;
«А ножонка-то, ножонка!
«Тьфу ты! словно у цыпленка!
«Пусть полюбится кому,
«Я и даромъ не возьму.»
Тутъ Царевна заиграла,
И столь сладко припѣвала,
Что Иванъ, не зная какъ,
Прикорнулся на кулакъ;
И подъ голосъ тихой, стройной,
Засыпаетъ преспокойно.

Западъ тихо догоралъ.

Вдругъ конекъ подъ нимъ заржалъ,

И, толкнувъ его копытомъ,

Крикнулъ голосомъ сердитымъ:

«Спи, любезный, до звѣзды!

«Высыпай себѣ бѣды!

«Не меня вѣдь вздернуть на колъ!»

Тутъ Иванушка заплакалъ

И, рыдаючи, просилъ,

Чтобъ конекъ его простилъ.

«Отпусти вину Ивану,

«Я впередъ ужъ спать не стану.»

— «Ну, ужъ Богъ тебя простить!»

Горбунокъ ему кричитъ:

«Все поправимъ, можетъ статься,

«Только чуръ не засыпаться;

«Завтра, рано по утру,

«Къ златошвейному шатру

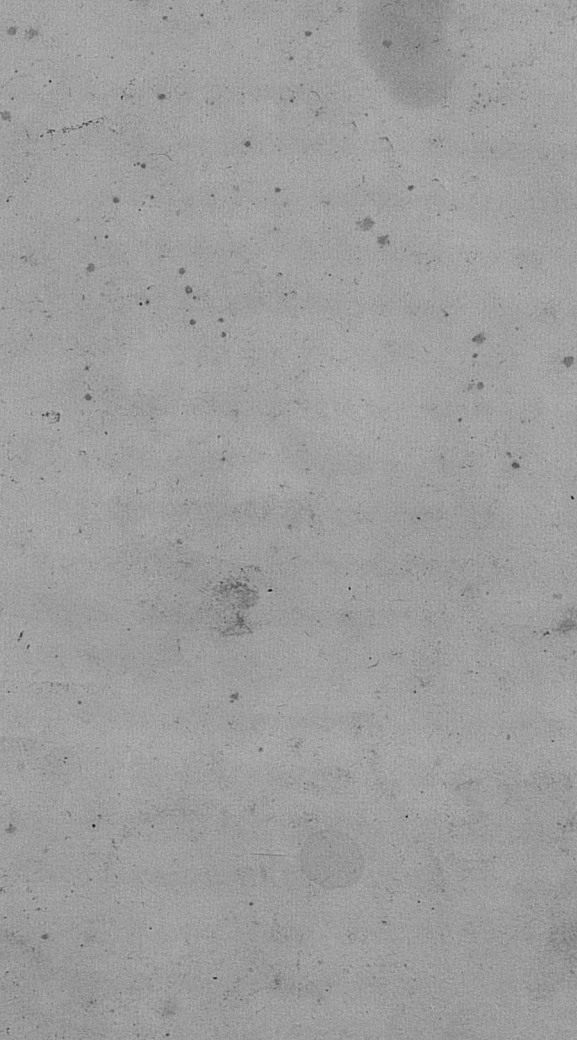
«Приплыветъ опять Дѣвица —

«Меду сладкаго напиться.

«Если жъ снова ты заснешь,

«Головы ужъ не снесешь.»
Тутъ конекъ опять сокрылся;
А Иванъ собирать пустился
Острыхъ камней и гвоздей
Отъ разбитыхъ кораблей,
Для того, чтобъ уколотся,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, по утру,
Къ златошвейному шатру
Царь-дѣвица подплываетъ,
Шлюпку на берегъ бросаетъ,
Входитъ съ гусями въ шатеръ
И садится за приборъ....
Вотъ Царевна заиграла,
И столь сладко припѣвала,
Что Иванушкѣ опять
Захотѣлося поспать.
«Нѣтъ, постой же ты, дрянная!»
Говоритъ Иванъ, вставая:
«Ты въ другой разъ не уйдешь,

«И меня не проведешь.»
Тутъ въ шатеръ Иванъ выбѣгаетъ,
Косу длинную хватаетъ....
«Ой, бѣги, конекъ, бѣги!»
«Горбунокъ мой, помоги!»
Вмигъ конекъ къ нему явился.
«Ай, хозяинъ, отличился!»
«Ну, садись же поскорѣй,
«Да держи ее плотнѣй!»

Вотъ столицы достигаетъ.
Царь къ Царевнѣ выбѣгаетъ,
За бѣлы руки беретъ,
Во дворецъ ее ведетъ,
И садитъ за столъ дубовой
И подъ занавѣсъ шелковой;
Въ глазки съ нѣжностью глядитъ,
Сладки рѣчи говоритъ:
«Безподобная дѣвица!
«Согласися быть Царица.
«Я тебя едва узрѣлъ, —

«Сильной страстью воскипѣлъ.

«Соколины твои очи

«Не дадутъ мнѣ спать средь ночи,

«И во время бѣла дня,

«Охъ! измучаютъ меня.

«Молви ласковое слово!

«Все для сватьбы ужъ готово;

«Завтра жъ утромъ, свѣтикъ мой,

«Обвѣнчаемся съ тобой

«И начнемъ жить припѣвая.»

А Царевна молодая,

Ничего не говоря,

Отвернулась отъ Царя.

Царь нисколько не сердился,

Но сильнѣй еще влюбился;

На колѣнъ предъ нею сталъ,

Ручки нѣжно пожималъ

И балясы началъ снова:

«Молви ласковое слово!

«Чѣмъ тебя я огорчилъ?

«Али тѣмъ, что полюбилъ?

«О, судьба моя плачевна!»

Говорить ему Царевна:

«Если хочешь взять меня,

«То доставь ты мнѣ въ три дня

«Перстень мой изъ Окіяна.»

— «Гей! позвать ко мнѣ Ивана!»

Царь поспѣшно закричалъ,

И чуть самъ не побѣжалъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился.

Царь къ нему оборотился

И сказалъ ему: «Иванъ!

«Поѣзжай на Окіанъ;

«Въ Окіанѣ томъ хранится

«Перстень, слышь ты, Царь-дѣвицы.

«Коль достанешь мнѣ его,

«Задарю тебя всего.»

— «Я и съ первой-то дороги

«Волочу насилу ноги;

«Ты опять на Окіанъ!»

Говорить Царю Иванъ:

«Какъ же, плуть, не торопиться:
«Видишь, я хочу жениться!»
Царь со гнѣвомъ закричалъ,
И ногами застучалъ:
«У меня не отпирайся,
«А скорѣе отправляйся!»
Тутъ Иванъ хотѣлъ идти.
«Эй, послушай! по пути,»
Говорить ему Царевна:
«Заѣзжай ты поклониться
«Въ изумрудной теремъ мой,
«Да скажи моей родной:
«Дочь ея узнать желаетъ,
«Для чего она скрывается
«По три ночи, по три дня
«Ликъ свой ясный отъ меня?
«И зачѣмъ мой братецъ красный
«Завернулся въ мракъ ненастный,
«И въ туманной вышинѣ
«Не пошлетъ луча ко мнѣ?
«Не забудь же!» — «Помнить буду,

«Если только не забуду;
«Да вѣдь надо же узнать —
«Кто те братецъ, кто те мать,
«Чтобъ въ роднѣ-то намъ не сбиться.»
Говорить ему Царица:
«Мѣсяцъ—мать мнѣ, солнце—братъ.»
— «Да, смотри, въ три дня назадъ!»
Царь-женихъ къ тому прибавилъ.
Тутъ Иванъ Царя оставилъ,
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»
«Что головушку повѣсилъ?»
Говорить ему конекъ. —
«Помоги мнѣ, Горбунокъ!»
«Видишь, вздумалъ Царь жениться,
«Знашь, на тоненькой Царицѣ,
«Такъ и шлетъ на Окіянь,»
Говорить коньку Иванъ:
«Далъ мнѣ сроку три дня только;

«Тутъ попробовать изволь-ка
«Перстень дьявольской достать!
«Да велѣла заѣзжать
«Эта тонкая Царица
«Гдѣ-то въ теремъ поклониться
«Солнцу, мѣсяцу, притомъ
«И спросать кое объ чемъ....» —
Тутъ конекъ: «Сказать по дружбѣ,
«Это службишка, не служба;
«Служба все, братъ, впереди!
«Ты теперя спать поди;
«А на завтра, утромъ рано,
«Мы поѣдемъ къ Окіяну.»

На другой день нашъ Иванъ,
Взявъ три луковки въ карманъ,
Потеплѣе приодѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся,
И поѣхалъ въ дальній путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ III.

«Доселева Макаръ огороды копать,
«А нынѣ Макаръ въ воеводы повалъ.»

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вотъ крестьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали. —
Сидить воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу;
Какъ во трубушку играетъ,
Православныхъ потѣшаетъ:
«Эй! послушай, людъ честной!
«Жили-были мужъ съ женой,
«Мужъ-то примется за шутки,

«А жена за прибаутки,
«И пойдеть у нихъ тутъ пиръ,
«Что на весь крещеный міръ!»
Это присказка ведется,
Сказка послѣе начнется.
Какъ у нашихъ у воротъ
Муха пѣсенку поетъ:
«Что дадите мнѣ за вѣстку?
«Бьетъ свекровь свою невѣстку:
«Посадила на шестокъ,
«Привязала за шнурокъ,
«Ручки къ ножкамъ притянула,
«Ножку правую разула.
«Не ходи ты по зарямъ!
«Не кажися молодцамъ!»
Эта присказка велася,
Вотъ и сказка началась.

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на Окіянь.
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,

И въ починъ на первый вечеръ
Версть сто тысячъ отмахалъ,
И нигдѣ не отдыхалъ.

Подъѣзжая къ Окіяну,
Говорить конекъ Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
«Вотъ минутки черезъ три
«Мы пріѣдемъ на поляну —
«Прямо къ морю—Окіяну;
«Поперегъ его лежитъ
«Чудо-юдо рыба-китъ;
«Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
«А доселева не знаетъ,
«Чѣмъ прощенье получить;
«Онъ учнетъ тебя просить,
«Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
«Попросилъ ему прощенье;
«Ты исполнить обѣщай,
«Да, смотри жъ, не забывай!»

Вотъ въѣзжаетъ на поляну
Прямо къ морю—Окіяну;
Поперегъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сырѣ-борѣ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ;
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубравѣ, межъ усовъ,
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ проѣзжимъ говоритъ,
Ротъ широкой отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
«Вы откуда и куда?»

— «Мы послы отъ Царь-дѣвицы,
«Ѣдемъ оба изъ столицы,»

Говоритъ киту конекъ:

«Къ Солнцу прямо на Востокъ,
«Во хоромы золотые.»»

— «Такъ нельзя ль, отцы родные,
«Вамъ у Солнышка спросить:

«Долго ль мнѣ въ опалѣ быть,

«И за кои прегрѣшенья

«Я терплю бѣды мученья?»»

— «Ладно, ладно, рыба-китъ!»

Нашъ Иванъ ему кричитъ. —

«Будь отецъ мнѣ милосердный!

«Вишь, какъ мучуся я — бѣдный!

«Десять лѣтъ ужъ тутъ лежу....

«Я и самъ те услужу!...»

Китъ Ивана умоляетъ,

Самъ же горько вздыхаетъ. —

«Ладно, ладно, рыба-китъ!»

Нашъ Иванъ ему кричитъ.

Тутъ конекъ подъ нимъ забился

Прыгъ на берегъ, и пустился;
Только видно, какъ песокъ
Вьется вихоремъ у ногъ.

Бдутъ близко ли, далеко,
Бдутъ низко ли, высоко
И увидѣли ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ съ землей простился,
И на небѣ очутился,
И поѣхалъ, будто князь,
Шапка на бокъ, подбодрясь.
«Эко диво! эко диво!

«Наше царство хоть красиво,»
Говорить коньку Иванъ
Средь лазоревыхъ полянъ:
«А какъ съ небомъ-то сравнится,
«Такъ подъ стельку не годится.
«Что земля-то!... вѣдь она
«И черна-то и грязна;
«Здѣсь земля-то голубая,
«А ужъ свѣтлая какая!...
«Посмотри-ка, Горбунокъ,
«Видишь, вонъ-гдѣ, на Востокъ,
«Словно свѣтится зарница....
«Чай, небесная столица....
«Что-то больно высока!»
Такъ спросилъ Иванъ конька.
— «Это теремъ Царь-дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы,»
Горбунокъ ему кричитъ:
«По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
«А полуденной порою
всѣцъ входитъ для покою.»

Подъѣзжаютъ; у воротъ
Изъ столбовъ хрустальный сводъ;
Всѣ столбы тѣ завитые
Хитро въ змѣйки золотые;
На верхушкахъ три звѣзды,
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный Русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ Мѣсяцу идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
«Я — Иванушка Петровичъ,

«Изъ далекихъ я сторонъ

«И привезъ тебѣ поклонъ.»

— «Сядь, Иванушка Петровичъ!»

Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ:

«И повѣдай мнѣ вину

«Въ нашу свѣтлую страну

«Твоего съ земли прихода;

«Изъ какого ты народа,

«Какъ попалъ ты въ этотъ край, —

«Все скажи мнѣ, не утай.»

— «Я съ земли пришель Землянской

«Изъ страны вѣдь христіанской,»

Говорить, садясь, Иванъ:

«Переѣхалъ Окіанъ

«Съ порученьемъ отъ Царицы —

«Въ свѣтлой теремъ поклониться,

«И сказать вотъ такъ, постой!

«Ты скажи моей родной:

«Дочь ея узнать желаетъ,

«Для чего она скрываетъ,

«По три ночи, по три дня,

«Ликъ какой-то отъ меня;
«И зачѣмъ мой братецъ красной
«Завернулся въ мракъ ненастной,
«И въ туманной вышинѣ
«Не пошлетъ луча ко мнѣ?
«Такъ, кажися? — Мастерница
«Говорить красно Царица;
«Не припомнишь все сполна,
«Что сказала мнѣ она.»
— «А какая то Царица?» —
«Это, знаешь, Царь-дѣвица.»
— «Царь-дѣвица?... Такъ она
«Что ль тобой увезена?»
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ.
А Иванушка Петровичъ
Говорить: «Извѣстно, мной!
«Вишь, я царской стремянной;
«Ну, такъ Царь меня отправилъ,
«Чтобы я ее доставилъ
«Въ три недѣли во дворецъ;
«А не то, меня, отецъ,

«Посадить грозился на колъ.»
Мѣсяцъ съ радости заплакалъ,
Ну Ивана обнимать,
Цѣловать и миловать.
«Ахъ, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ:
«Ты принесть такую вѣсть,
«Что не знаю чѣмъ и счесть!
«А ужъ мы какъ горевали,
«Что Царевну потеряли!...
«Отъ того-то, видишь, я
«По три noci, по три дня
«Въ темномъ облакѣ ходила,
«Все грустила, да грустила,
«Трое сутокъ не спала,
«Крошки хлѣба не брала,
«Отъ того-то сынъ мой красный
«Завернулся въ мракъ ненастный,
«Лучъ свой жаркой погасилъ,
«Міру Божью не свѣтилъ:
«Все грустилъ, вишь, по сестрицѣ,

«Той ли красной Царь-дѣвицѣ.
«Что, здорова ли она?
«Не грустна ли, не больна?»
— «Всѣмъ бы, кажется, красotka,
«Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, какъ спичка, слышь, тонка,
«Чай въ обхватъ-то три вершка;
«Вотъ какъ замужъ-то поспѣеть,
«Такъ небось и потолстѣть:
«Царь, слышь, женится на ней.»
Мѣсяцъ вскрикнулъ: «Ахъ, злодѣй!
«Вздумалъ въ семьдесятъ жениться
«На молоденькой дѣвицѣ!
«Да стою я крѣпко въ томъ,
«Просидитъ онъ женихомъ!
«Вишь, что старый хрѣнъ затѣялъ:
«Хочетъ жать тамъ, гдѣ не сѣялъ!
«Полно, лакомъ больно сталъ!»
Тутъ Иванъ опять сказалъ:
«Есть еще къ тебѣ прошенье,
«То о китовомъ прощеньѣ....

«Есть, вишь, море; чудо-китъ
«Поперегъ его лежитъ;
«Всѣ бока его изрыты,
«Частоколы въ ребра вбиты.....
«Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ
«Чтобы я тебя спрашалъ:
«Скоро ль кончится мученье?
«Чѣмъ сыскать ему прощенье?
«И на что онъ тутъ лежитъ?» —
Мѣсяцъ ясной говоритъ:
«Онъ за то несетъ мученье,
«Что, безъ Божія велѣнья,
«Проглотилъ среди морей
«Три десятка кораблей,
«Если дать онъ имъ свободу,
«Сниметъ Богъ съ него невзгоду,
«Вмигъ всѣ раны заживить,
«Долгимъ вѣкомъ наградить.»

Тутъ Иванушка поднялся,
Съ свѣтлымъ Мѣсяцомъ прощался,

Крѣпко шею обнималъ,
Трижды въ щеки цѣловалъ.
«Ну, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ:
«Благодарствую тебя
За сына и за себя.
«Отнеси благословенье
Нашей дочкѣ въ утѣшенье,
«И скажи моей родной:
— «Мать твоя всегда съ тобой;
«Полно плакать и крушиться;
«Скоро грусть твоя рѣшится, —
«И не старой, съ бородой,
«А красавецъ молодой
«Поведетъ тебя къ наю. —
«Ну, прощай же! Богъ съ тобою!»
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свиснулъ, будто витязъ знатной,
И пустился въ путь обратной.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Окіанъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
«Что, отпы, мое прошенье?
«Получу ль когда прощенье?»
— «Погоди ты, рыба-китъ!»
Тутъ конекъ ему кричитъ.

Вотъ въ село онъ прибѣгаетъ,
Мужиковъ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Эй, послушайте, міряне,
«Православны Христіане!
«Коль не хочетъ кто изъ васъ
«Къ водяному сѣсть въ приказъ,
«Убирайся вмигъ отсюда.
«Здѣсь тотчасъ случится чудо:

«Море сильно закипитъ,
«Повернется рыба-китъ....»
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны Христіане,
Закричали: «Быть бѣдамъ!»
И пустились по домамъ.
Всѣ телеги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота, —
И оставили кита.
Утро съ полднемъ повстрѣчалось,
А въ селѣ ужъ не осталось
Ни одной души живой,
Словно шелъ Мамай войной!

Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ близко прилегаетъ,
И что мочи есть кричить:
«Чудо-юдо рыба-китъ!
«Отъ того твои мученья,
«Что, безъ Божія велѣнья,

«Проглотилъ ты средь морей
«Три десятка кораблей.
«Если дашь ты имъ свободу,
«Сниметъ Богъ съ тебя невзгону,
«Вмигъ всѣ раны заживить,
«Долгимъ вѣкомъ наградить.»
И, окончивъ рѣчь такую,
Закусилъ узду стальную,
Понатужился — и въ мигъ
На далекій берегъ прыгъ.

Чудо-китъ зашевелился,
Словно холмъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами.

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся Царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,

Въ трубы кованы трубили;
Бѣлой парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Пѣлъ на палубѣ молебны;
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
«Какъ по моречку по морю,
«По широкому раздолью,
«Что по самой край земли,
«Выбѣгають корабли....»

Волны моря заclubились,
Корабли изъ глазъ сокрылись.
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкой отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
«Чѣмъ вамъ, други, услужить?
«Чѣмъ за службу наградить?
«Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?

«Надо ль рыбокъ золотистыхъ?»
«Надо ль крупныхъ жемчуговъ?»
«Все достать для васъ готовъ!»
— «Нѣтъ, кить-рыба, намъ въ награду
«Ничего того не надо,»
Говорить ему Иванъ:
«Лучше перстень намъ достань, —
«Перстень, знаешь, Царь-дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы.»
— «Ладно, ладно! для дружка
«И сережку изъ ушка!
«Отыщу я до зарницы
«Перстень красной Царь-дѣвицы,»
Кить Ивану отвѣчалъ,
И, какъ ключъ, на дно упалъ.

Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетринной весь народъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Вы достаньте до зарницы

«Перстень красной Царь-дѣвицы,
«Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
«Кто его доставить мнѣ,
«Награжу того я чиномъ:
«Будеть Думнымъ Дворяниномъ.
«Если жъ умной мой приказъ
«Не исполните.... я васъ!»
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли,
И смиренно говорили:
«Царь великій! не гнѣвись!
«Мы все море ужъ, кажись,
«Исходили и изрыли,
«Но и знаку не открыли.
«Только ершъ одинъ изъ насъ
«Совершилъ бы твой приказъ;
«Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,

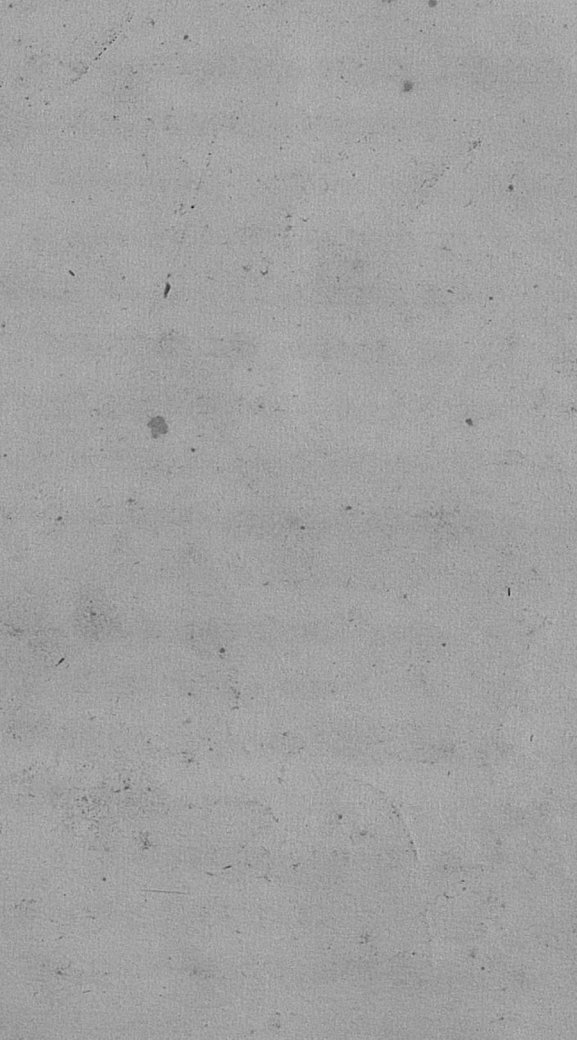
«Такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ;
«Но его, какъ бы на зло,
«Ужъ куда-то унесло.»
— «Отыскать его въ минуту,
«И послать въ мою каюту!»
Китъ сердито закричалъ,
И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,
Въ Земскій Судъ бѣжать пустились,
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцевъ скорѣй послали
И ерша того поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Имянной писалъ указъ;
Сомъ (Совѣтникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ,
И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призывали

И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ, отъ имени Царя,
Объжали всѣ моря,
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ Государю привели.
Тутъ дельфины поклонились,
И ерша искать пустились.

Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать, —
И вернулись назадъ,
Чуть не плача отъ печали....

Вдругъ дельфины услышали.
Гдѣ-то въ маленькомъ прудѣ,
Крикъ неслыханной въ водѣ.

Въ прудъ дельфины завернули,
И на дно его нырнули, —
Глядь: въ прудъ подъ камышемъ,
Ершъ дерется съ карасемъ.
«Смирно! черти бѣ васъ побрали!»
«Вишь, содомъ какой подняли,
«Словно важные бойцы!»
Закричали имъ гонцы.
— «Ну, а вамъ какое дѣло?»
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло:
«Я шутить вѣдь не люблю,
«Разомъ всѣхъ переколю!»
— «Охъ, ты, вѣчная гуляка,
«И крикунъ и забіяка!
«Все бы, дрянъ, тебѣ гулять,
«Все бы драться да кричать;
«Дома — нѣтъ, вѣдь, не сидится!...
«Ну, да что съ тобой рядиться, —
«Вотъ тебѣ царевъ указъ,
«Чтобъ ты плыль къ нему тотчасъ.»

Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины,
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
«Дайте чуточку подраться.
«Распроклятой тотъ карась
«Поносилъ меня вчерась,
«При честномъ при всемъ собраньи
«Неподобной разной бранью....»
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились предъ Царя.

«Что ты долго не являлся?
«Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ершъ упалъ,

И, признавшись въ преступленьи,
Онъ молился о прощеньи.
«Ну, ужъ Богъ тебя проститъ!»
Китъ державной говоритъ:
«Но за то твое прощенье
«Ты исполни повелѣнье.»
— «Радъ стараться, чудо-китъ!»
На колѣняхъ ершъ пищитъ.
«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
«Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь
«Царь-дѣвицы?» — «Какъ не знать!
«Можемъ разомъ отыскать.»
— «Такъ ступай же поскорѣе,
«Да сыщи его живѣе!»

Тутъ, отдавъ Царю поклонъ,
Ершъ пошелъ, согнувшись, вонъ.
Съ царской дворней побранился,
За мульткомъ поволочился,
И салакушкамъ шести
Носъ разбилъ онъ на пути.

Совершивъ такое дѣло,
Въ омутъ кинулся онъ смѣло,
И въ подводной глубинѣ
Вырылъ ящичекъ на днѣ —
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«О, здѣсь дѣло-то не просто!»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.

Сельди духомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего —
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно не кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятой сундучекъ
Не дался и на вершокъ.
«Настоящія селедки!
«Вамъ кнута бы вмѣсто водки!»
Крикнулъ ершъ со всѣхъ сердцовъ,
И нырнулъ по осетровъ.

Осетры тутъ приплываютъ
И безъ крика поднимаютъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучекъ.
«Ну, ребятушки, смотрите,
«Вы къ Царю теперь плывите,
«Я жъ пойду теперь ко дну,
«Да немножко отдохну:
«Что-то сонъ одоѣваетъ,
«Такъ глаза вотъ и смыкается....»
Осетры къ Царю плывутъ,
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины),
Чай додраться съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся.
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море Окіянъ.
На пескѣ сидитъ Иванъ,

Ждетъ кита изъ синя моря,
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный Горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Вотъ ужъ солнышко спустилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря.
А кита не тутъ-то было.
«Чтобъ те, вора, задавило!
«Вишь, какой морской шайтанъ!»
Говоритъ себѣ Иванъ:
«Обѣщался до зарницы
«Вынести перстень Царь-дѣвицы,
«А доселѣ не сыскалъ,
«Окаянный зубоскалъ!
«А ужъ солнышко-то сѣло,
«И....» Тутъ море закипѣло:
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ:
«За твое благодѣянье.

«Я исполнилъ обѣщанье.»

Съ этимъ словомъ сундучекъ

Брякнулъ плотно на песокъ,

Только берегъ закачался.

«Ну, теперь я расквитался.

«Если жъ вновь принужусь я,

«Позови опять меня;

«Твоего благодаренья

«Не забыть мнѣ.... До свиданья!»

Тутъ кить-чудо замолчалъ,

И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Горбунокъ-конекъ проснулся,

Всталъ на лапки, отряхнулся,

На Иванушку взглянулъ,

И четырежды прыгнулъ.

«Ай-да Кить-Китовичъ! славно!

«Долгъ свой выплатилъ исправно!

«Ну, спасибо, рыба-кийт!»

Горбунокъ-конекъ кричить.

«Что жъ, хозяинъ, одѣвайся,

«Въ путь-дорожку отправляйся;
«Три денька вѣдь ужъ прошло:
«Завтра срочное число;
«Чай, старикъ ужъ умираетъ.»
Тутъ Ванюша отвѣчаетъ:
«Радъ бы радостью поднять;
«Да вѣдь силы не занять!
«Сундучишко больно плотень,
«Чай, чертей въ него пять сотень,
«Китъ проклятой насажалъ.
«Я ужъ трижды подымалъ:
«Тяжесть страшная такая!»
Тутъ конекъ, не отвѣчая,
Поднялъ ящичекъ ногой,
Будто камышекъ какой,
И взмахнулъ къ себѣ на шею.
«Ну, Иванъ, садись скорѣе!
«Помни, завтра минетъ срокъ,
«А обратный путь далекъ.»

Сталъ четвертый день зориться,

Нашъ Иванъ уже въ столицѣ.
Царь съ крыльца къ нему бѣжитъ —
«Что кольцо мое?» кричитъ.
Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ,
И преважно отвѣчаетъ:
«Вотъ тебѣ и сундучекъ!
«Да велика скликать полкъ:
«Сундучишко малъ хоть на видъ,
«Да и дьявола задавить.»
Царь тотчасъ стрѣльцовъ позовалъ
И, не медля, приказалъ
Сундучекъ отнести въ свѣтлицу.
Самъ пошелъ по Царь-дѣвицу.
«Перстень твой, душа, найденъ,»
Сладкогласно молвилъ онъ:
«И теперь, примолвить снова,
«Нѣтъ препятства никакого.
«Завтра утромъ, свѣтикъ мой,
«Обвѣнчаться мнѣ съ тобой.
«Но не хочешь ли, дружочикъ,
«Свой увидѣть перстенечикъ?»

«Онъ въ дворцѣ моемъ лежитъ.»

Царь-дѣвица говоритъ:

«Знаю, знаю! Но признаться,

«Намъ нельзя еще вѣнчаться.»

— «Отъ чего же, свѣтикъ мой?

«Я люблю тебя душой;

«Мнѣ, прости ты мою смѣлость,

«Страхъ жениться захотѣлось.

«Если жъ ты.... то я умру

«Завтра жъ съ горя по утру.

«Сжался, матушка Царица!»—

Говоритъ ему дѣвица:

«Но взгляни-ка, ты вѣдь сѣдъ;

«Мнѣ пятнадцать только лѣтъ:

«Какъ же можно намъ вѣнчаться?

«Всѣ цари начнутъ смѣяться.

«Дѣдъ-то, скажутъ, внуку взял!»

Царь со гнѣвомъ закричалъ:

«Пусть-ка только засмѣются —

«У меня какъ разъ свернутся:

«Всѣ ихъ царства полоню!

«Весь ихъ родъ искореню!»

— «Пусть не стануть и смѣяться,

«Все не можно намъ вѣнчаться, —

«Не растутъ зимой цвѣты:

«Я красавица, а ты?...»

«Чѣмъ ты можешь похвалиться?»

Говорить ему дѣвица. —

«Я хоть старъ, да я удалъ!»

Царь Царицѣ отвѣчалъ:

«Какъ немножко приберуся,

«Хоть кому, такъ покажуся

«Разудалымъ молодцомъ.

«Ну, да что намъ нужды въ томъ?

«Лишь бы только намъ жениться!»

Говорить ему дѣвица:

«А такая въ томъ нужда,

«Что не выйду никогда

«За дурнаго, за сѣдаго,

«За беззубаго такаго!»

Царь въ затылкѣ почесалъ,

И нахмурия, сказалъ:

«Что жъ мнѣ дѣлать-то Царица?»

«Страхъ, какъ хочется жениться;—

«Ты же, ровно на бѣду:

«Не пойду, да не пойду!»

— «Не пойду я за сѣдова,»

Царь-дѣвица молвить снова:

«Стань, какъ прежде, молодецъ,

«Я тотчасъ же подъ вѣнецъ.»

— «Вспомни, матушка Царица,

«Вѣдь нельзя переродиться;

«Чудо Богъ одинъ творить.»

Царь-дѣвица говоритъ:

«Коль себя не пожалѣешь,

«Ты опять помолодѣешь.

«Слушай, завтра на зарѣ,

«На широкомъ на дворѣ,

«Долженъ челядь ты заставить

«Три котла большихъ поставить,

«И костры подъ нихъ сложить.

«Первой надобно налить

«До краевъ — водой студеной,

«А второй — водой вареной,
«А послѣдній — молокомъ,
«Вскипятя его ключемъ.
«Вотъ, коль хочешь ты жениться,
«И красавцемъ учиниться, —
«Ты, безъ платья, налегкѣ,
«Искупайся въ молокѣ;
«Тутъ побудь въ водѣ вареной,
«А потомъ еще въ студеной.
«И скажу тебѣ, отецъ,
«Будешь знатной молодецъ!»

Царь не вымолвилъ ни слова,
Кликнулъ тотчасъ Стремянова.
«Что, опять на Окіянь?»
Говорить Царю Иванъ.
«Нѣтъ, ужъ дудки, ваша милость!»
«Ужъ и то во мнѣ все сбилось;
«Не поѣду ни за что!»
— «Нѣтъ, Иванушка, не то,
«Завтра я хочу заставить

«На дворѣ котлы поставить,
«И костры подъ нихъ сложить.
«Первый, думаю, налить
«До краевъ водой студеной,
«А второй — водой вареной,
«А послѣдній — молокомъ,
«Вскипятя его ключемъ.
«Ты же долженъ постараться,
«Пробы ради, искупаться
«Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ,
«Въ молоко и въ двухъ водахъ.»
— «Вишь, откуда подѣзжаетъ!»
Рѣчь Иванъ тутъ начинается:
«Шпарять только поросятъ,
«Да индюшекъ, да цыплятъ;
«Я вѣдь, глянь, не поросенокъ,
«Не индюшка, не цыпленокъ.
«Вотъ въ холодный, такъ оно
«Искупаться бы можно,
«А подваривать какъ станешь,
«Такъ меня и не заманишь.»

«Полно, Царь, хитрить, мудрить,
«Да Ивана проводить!»

Царь, затрясши бородою —

«Что? рядиться мнѣ съ тобою?»

Закричалъ онъ: «Но смотри!

«Если ты въ разсвѣтъ зари

«Не исполнишь повелѣнье, —

«Я отдамъ тебя въ мученье,

«Прикажу тебя пытать,

«По кусочкамъ разрывать.

«Вонъ отсюда, болестъ злая!»

Тутъ Иванушка, рыдая,

Поплелся на сѣновалъ,

Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»

«Что головушку повѣсилъ?»

Говорилъ ему конекъ:

«Чай нашъ старый женишокъ

«Снова выкинулъ затѣю?»

Паль Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ, бѣда, конекъ!» сказалъ:

«Царь въ конецъ меня сбываетъ;

«Самъ подумай, заставляетъ

«Искупаться мнѣ въ котлахъ,

«Въ молоко и въ двухъ водахъ:

«Какъ въ одной водѣ студеной,

«А въ другой водѣ вареной,

«Молоко, слышь, кипятокъ.»

Говоритъ ему конекъ:

«Вотъ ужъ служба, такъ ужъ служба!

«Тутъ нужна моя вся дружба.

«Какъ же къ слову не сказать:

«Лучше бѣ намъ пера не брать;

«Отъ него-то, отъ злодѣя,

«Столько бѣдъ тебѣ на шею....

«Ну, не плачь же, Богъ съ тобой!»

«Сладимъ какъ-нибудь съ бѣдой.

«И скорѣе самъ я сгину,

«Чѣмъ тебя, Иванъ, покину:

«Слушай: завтра на зарѣ,

«Въ тѣ поры, какъ на дворѣ
«Ты раздѣнешься, какъ должно,
«Ты скажи Царю: — Не можно ль,
«Ваша милость, приказать,
«Горбунка ко мнѣ послать,
«Чтобъ въ послѣдни съ нимъ проститься.
«Царь на это согласится.
«Вотъ какъ я хвостомъ махну,
«Въ тѣ котлы мордой макну,
«На тебя два раза прысну,
«Громкимъ посвистомъ присвисну,
«Ты, смотри же, не зѣвай:
«Въ молоко сперва ныряй,
«Тутъ въ котель съ водой вареной,
«А оттудова въ студеной.
«А теперича молись,
«Да спокойно спать ложись.»

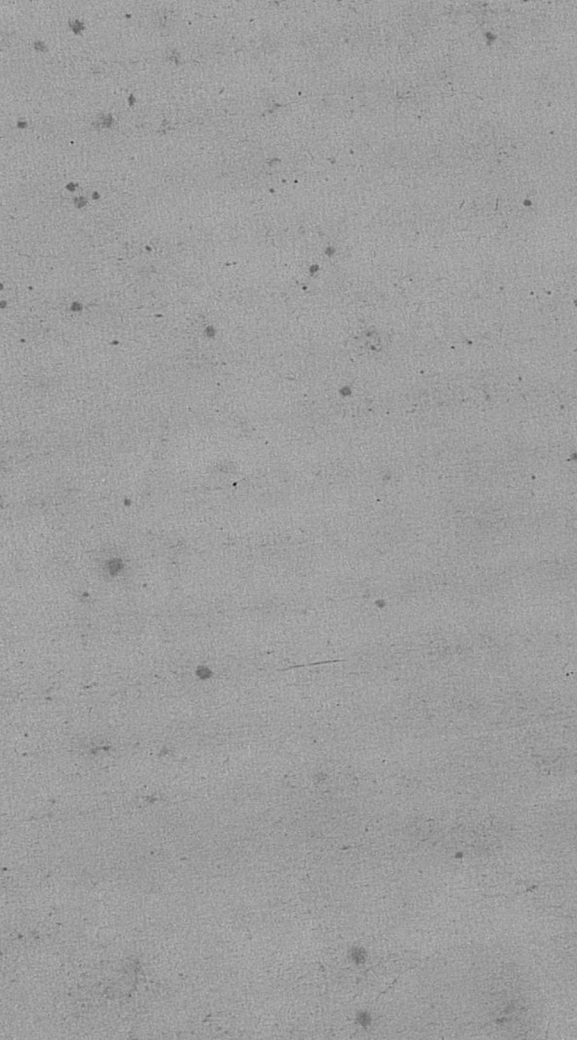
На другой день, утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Эй, хозяинъ, полно спать!

Время службу исправлять.»
Тутъ Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на заборъ
И пошелъ Царю во дворъ.

Тамъ котлы уже кипѣли;
Подлѣ нихъ рядкомъ сидѣли
Кучера и повара
И служители Двора;
Дровъ усердно прибавляли,
Объ Иванѣ толковали
Втихомолку межъ собой,
И смѣялись порой.

Вотъ и двери растворились;
Царь съ Царицей появились,
И готовились съ крыльца
Посмотрѣть на удалца.
«Ну, Ванюша, раздѣвайся,
И въ котлахъ, братъ, покупайся!»

Царь Ивану закричалъ.
Тутъ Иванъ одежду снялъ,
Ничего не отвѣчая.
А Царица молодая,
Чтобъ не видѣть наготу,
Завернулася въ фату.
Вотъ Иванъ къ котламъ поднялся,
Глянулъ въ нихъ — и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, сталъ?»
Царь опять ему вскричалъ:
«Исполни-ка, братъ, что должно!—
Говоритъ Иванъ: «Не можно ль,
«Ваша милость, приказать —
«Горбунка ко мнѣ послать.
«Я въ послѣдни бѣ съ нимъ простился.»
Царь, подумавъ, согласился,
И изволилъ приказать
Горбунка къ нему послать.
Тутъ слуга конька приводитъ
И къ сторонкѣ самъ отходить.

Вотъ конекъ хвостомъ махнулъ,
Въ тѣ котлы мордой макнулъ,
На Ивана дважды прыснулъ,
Громкимъ посвистомъ присвиснулъ.
На конька Иванъ взглянулъ,
И въ котель тотчасъ нырнулъ,
Тутъ въ другой, тамъ въ третій тоже,
И такой онъ сталъ пригожей —
Что ни въ сказкѣ не сказать,
Ни перомъ не написать!
Вотъ онъ въ платье нарядился,
Царь-дѣвицѣ поклонился,
Осмотрѣлся, подбодрясь,
Съ важнымъ видомъ, будто князь.

«Эко диво!» всѣ кричали:

«Мы и слыхомъ не слыхали,

«Чтобы лъзя похорошѣть!»

Царь велѣлъ себя раздѣть,
Два раза перекрестился, —
Бухъ въ котель — и тамъ сварился!

Царь—дѣвица тутъ встаетъ,
Знакъ къ молчанью подаетъ,
Покрывало поднимаетъ,
И къ прислужникамъ вѣщаетъ:
«Царь велѣлъ вамъ долго жить!
«Я хочу Царицей быть.
«Люба ль я вамъ? отвѣчайте!
«Если любя, то признайте
«Володѣтелемъ всего —
«И супруга моего!»
Тутъ Царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, любя!» всѣ кричатъ!
«За тебя хоть въ самой адъ!
«Твоего ради талана,
«Признаемъ Царя Ивана!»

Царь Царицу тутъ беретъ,
Въ церковь Божію ведетъ
И съ невѣстой молодою
Онъ обходитъ вокругъ налою.

Пушки съ крѣпости палятъ;
Въ трубы кованы трубятъ;
Всѣ подвалы отворяютъ,
Бочки съ фряжскимъ выставляютъ,
И напившись, народъ,
Что есть мочушки, деретъ:
«Здравствуй, Царь нашъ со Царицей!
«Съ распрекрасной Царь-дѣвицей!»

Во дворцѣ же пиръ горой:
Вина льются тамъ рѣкой;
За дубовыми столами
Пьютъ бояре со князьями.
Сердцу любо! Я тамъ былъ,
Медъ, вино и пиво пилъ;
По усамъ хоть и бѣжало,
Въ ротъ ни капли не попало.

